

Дин Тянь понятия не имел, что творится снаружи — он был полностью поглощен приготовлением ужина.

Готовить приходилось лично для господина императорского уполномоченного, а изысканных яств в закромах отродясь не водилось. Всё, что у него было — его собственные скромные припасы, которые он берёт для себя. Делать нечего, пришлось достать всё без остатка, дабы достойно принять столь важного гостя.

Жил Дин Тянь один. В своей каморке на просторном подоконнике он соорудил нечто вроде деревянной этажерки — благо места хватало, а пустующее пространство мозолило глаза. В сколоченные ящики он насыпал земли и посадил зелень: душистый лук, шпинат и чесночные стрелки.

В самом тёмном углу ютился ещё один большой короб с нежным золотистым луком, да только перья его едва вытянулись на ладонь — срезать было рано. Зато душистый лук, шпинат и чеснок, высаженные ещё до первых заморозков, как раз успели. Правда, хватило бы их всего на пару раз...

Делиться своими запасами юноша ни с кем не планировал. Ему просто хотелось время от времени баловать себя свежей зеленью долгой зимой, поэтому сажал он понемногу — лишь бы изредка разнообразить скудный рацион.

Но сейчас, выставляя эти сокровища на стол императорскому посланнику, Дин Тянь руководствовался сугубо корыстным расчётом. В тюрьме-то он знатно покомандовал этим важным барином: велел раздеть догола да отмыть до скрипа в горячей бане... Хе-хе. Хоть Линь Ци и помалкивал, но дураку ясно — столь молодые люди редко становятся императорскими уполномоченными.

Это всё равно как если бы в его прежней жизни какой-нибудь сопляк, едва перешагнувший двадцатилетие, вдруг занял кресло начальника управления! Невероятно.

Без гениального ума, могущественной родни за спиной, железной хватки и поистине фантастического везения такой чин не получить. Да и характер у этого господина, судя по всему, был не сахар. Дин Тянь не на шутку опасался, что высокопоставленный гость затаит обиду за ту баню. Может, если ублажить его изысканным — или хотя бы редким — угощением, великодушный господин сменит гнев на милость и забудет о былых прегрешениях маленького тюремщика?

Уверенности, конечно, не было, но разве он мог послушаться приказа господина советника Ду? Да и намёк советника Ду он прекрасно понял. Как ни крути, стоило проявить покорность. Вдруг у этого важного чиновника окажутся причудливые вкусы и он соскучился по простой домашней еде? Сам Дин Тянь кулинарными талантами не блистал, чаще обходился заготовками, но кое-какие нехитрые блюда сварганить мог. В прошлой жизни, когда родители уезжали на заработки в город, ему приходилось приглядывать за младшим братом. Тогда-то он и освоил простейшую стряпню — до высокой кухни ему было далеко, но сытно накормить он

умел.

Он запустил руку в кадку с соленьями и выудил два маринованных бахчевых плода размером с кулак — хрустящие солёные дыньки. Принявшись мелко крошить их, он кликнул слугу и велел раздобыть фазана. В прежнем мире дикий фазан считался охраняемым видом, а здесь — обычная дичь. Разве что мясо у него суховатое, не то что у домашней птицы; пожирнее дичь становилась разве что к зиме, когда нагуливала жирок перед холодами.

— Подойдёт? — в каморку заглянул советник Ду, держа за лапы упитанного дикого петуха. — Солдаты в лагере подстрелили.

— В самый раз! — кивнул Дин Тянь.

Он поручил кухонной служанке ощипать птицу, выпотрошить её и отрубить лапы, а после сам взялся за тесак и мелко изрубил нежное мясо в фарш.

У советника Ду и без того забот хватало, но сейчас он почему-то решил лично проконтролировать кулинарные изыскания Дин Тяня. Зимний день пролетел незаметно. Едва успели закончить ревизию уездной казны, как поползли мрачные слухи: дела там кувырком. Из десяти с лишним тысяч лянов серебра за вычетом десяти тысяч, отправленных на нужды Северного военного лагеря, все остальное испарилось без следа. В расходных книгах значилась туманная графа «усушка да утруска», но ведь налоги собрали совсем недавно! Каким образом казна успела так быстро опустеть?

Климат на севере сухой, медь здесь не гниет с такой пугающей скоростью.

— Ворё! Кругом одно ворё! — бушевал советник Ду у себя в кабинете. От ярости у него темнело в глазах. — Какая ненасытная жадность! Словно только и ждали сбора податей, чтобы на следующий же день набить собственные карманы!

В жилых покоях уездной управы, где обитал прежний начальник, провели обыск. Добыча оказалась внушительной: три тысячи лянов звонким серебром, еще тридцать тысяч — кредитными билетами, да вдобавок тридцать пять тысяч медных монет в сундуках. Для одной семьи такое количество мелочи выглядело более чем странно. Откуда у простого уездного судьи такое богатство?

Род бывшего судьи Ма не отличался знатностью — обычные пахари, которые поколениями во всём себе отказывали, чтобы скопить на клочок земли. Став мелкими землевладельцами и наконец-то начав есть вдоволь, они решили выучить сына. Увы, кругозор у судьи Ма оказался куцом. Не зная тонкостей придворной службы и едва защитив степень сопричисленного к высшей ученой степени — «товарища цзиньши», он возомнил себя пупом земли. Едва дорвавшись до власти, новоиспечённый чиновник принялся грести серебро лопатой.

Много ли было за душой у семейства Ма? Да ни гроша. Зато за три года службы на уездном

поприще он разъялся так, что в двери не влезал.

— Пусть вернёт всё до последнего гроша, — ровным, безразличным тоном произнес Ван Цзо, не спеша отпивая чай. — Даже если для этого придётся пустить с молотка всё его имущество вместе с фамильными котлами, казна не должна пострадать.

Хоть он едва перешагнул порог двадцатилетия, бремя власти Ван Цзо познал рано. В шестнадцать лет он унаследовал титул князя Нина, в восемнадцать лет — поступил на государственную службу. За его плечами уже числилось несколько крупных расследований. Пусть его и не величали «справедливым судьёй Бао», но в жесткости и беспристрастности ему отказать было нельзя. Высокое положение избавляло его от необходимости заводить фаворитов или прощать долги: это перед ним все трепетали и ловили каждое слово.

Невзирая на благородное происхождение, князь Нин страдал редкой душевной чистоплотностью — любая грязь и низость вызывали у него физическое отторжение. Лютых врагов у него было три разряда: на первом месте стояли мздоимцы, на втором — те, кто попирали закон ради наживы, а на третьем — люди с гнилой душой. Из-за этого при дворе его шутливо звали «чистильщиком».

— Истинно так, ваше сиятельство! Я лично прослежу, чтобы этот негодяй вернул всё до последней монеты! — усердно закивал советник Ду.

Сейчас он из кожи вон лез, стремясь выслужиться. Шутка ли — перед ним стоял не просто императорский посланник, а великий князь. Если не проявить рвение сейчас, то карьере конец.

— Возвращаемся, — сухо бросил Ван Цзо.

Темнело быстро, да и настроение у князя было скверным. Взмахнув широким рукавом, он направился к выходу из казны.

Под временную резиденцию приспособили задний двор уездной управы, выделив Ван Цзо самые просторные покои. Князь, вопреки обыкновениям столичной знати, не возил с собой в поездки смазливых служанок и изнеженных пажей. Его сопровождали лишь личные телохранители — неотёсанные вояки, которые при всей верности не умели услужить деликатно. К счастью, советник Ду предусмотрительно прихватил с собой тридцать служанок и сорок крепких слуг. Разместили их на постоялом дворе неподалеку, откуда они посменно, круглые сутки, обеспечивали комфорт для столичных гостей.

По возвращении чистоплотный князь сразу же умылся и переоделся в сухое платье. Едва он почувствовал облегчение после долгого дня, как подали ужин.

На севере обедали прямо на кане — тёплой кирпичной лежанке. На низкий четырехугольный столик слуги водрузили две тарелки и чашу с бульоном, а также корзинку с пышными,

дымящимися пампушками из смеси пшеничной и кукурузной муки. Одно из блюд выглядело довольно невзрачно — тёмное, тушёное крошево, источавшее, впрочем, аппетитный пряно-солёный аромат. Зато второе радовало глаз: ярко-зелёный молодой лук, быстро обжаренный со взбитым золотистым яйцом. Рядом исходил паром наваристый бульон на свиных рёбрышках со свежими листьями шпината.

Нехитрая трапеза: рагу, обжаренная зелень и суп.

Обилие живого зелёного цвета посреди суровой зимы приятно ласкало взор. Да и пампушки были непростыми. Столичная пресная выпечка давно навязла у Ван Цзо на зубах, а эти кукурузно-пшеничные хлебцы... Точно такие же он ел в тюрьме.

Один взгляд на сервировку убеждал: готовил не дворцовый повар. Даже умей тот стряпать подобные блюда, ни за что не осмелился бы подать высокородному господину столь простонародное угощение.

Ван Цзо промолчал. Он устроился на кане, скрестив ноги, взял тёплую пампушку и откусил кусочек — сомнений не осталось, тот самый вкус!

Мука и кукурузная крупа смешаны ровно пополам. Мягкий, воздушный мякиш таял на языке, оставляя едва уловимую природную сладость спелого зерна.

Стоявший подле стола личный слуга князя, Ван Фугуй, с подозрением покосился на тарелки и потянулся за серебряной иглой, чтобы проверить еду на яд.

— Не нужно, — небрежно остановил его Ван Цзо. — Эту стряпню наверняка уже пробовали.

Князь прекрасно понимал: маленький тюремщик привык есть из одного котла с арестантами, и этот ужин — дело его рук. Никто другой не сумел бы повторить этот вкус.

— Как это — пробовали?! — Фугуй едва не взвизгнул от ужаса.

— Чего расшумелся? — нахмурился Ван Цзо. — Сгинь с глаз моих и сам ступай обедать. Мне твои услуги сейчас не требуются.

Что ж, ляпнул не подумав — и мгновенно оказался за дверью.

Ван Фугуй ничуть не боялся немилости. Сын кормилицы князя, он рос бок о бок с молодым господином. В детстве они частенько тузили друг друга, не разбирая чинов, а когда подросли... продолжали шутливо бороться, называя это воинской тренировкой.

Почесав в затылке и так и не сообразив, в чём провинился, парень поплелся на кухню. Там он

быстро разговорился с челядью советника Ду и выведал, что сегодняшний ужин для высокого гостя лично готовил тот самый маленький тюремщик Дин.

Тем временем Ван Цзо не торопясь отдавал должное кулинарным изыскам. Непонятное рагу из рубленой дичи с хрустящими кубиками солёной дыни оказалось на редкость пикантным и сытным — оторваться было невозможно. В нежном луке с яйцом зелени оказалось куда больше, чем самого яйца, но тарелка опустела вмиг, осталась лишь капля сока на доньшке.

Шпинатный суп ушёл без остатка, от тушёного мяса осталась едва ли половина, а все четыре пышные пампушки бесследно исчезли.

Когда служанки унесли посуду, князь вышел во двор немного размяться — еда была солоноватой, и он слегка переел. Прихлебывая из пиалы простую горячую воду (крепкий чай на ночь пить не следовало, иначе не уснёшь), он не спеша прогуливался по дорожкам сада.

Тут-то ему «совершенно случайно» и повстречался советник Ду, тоже вышедший подышать воздухом.

Прогулка вдвоем после сытного ужина могла бы показаться милой традицией, но Ван Цзо не был наивным юнцом. Он прекрасно знал цену подобным «совпадениям». С самого детства вокруг него так и вились желающие подольститься, готовые пойти на любые ухищрения ради благосклонности сиятельной особы.

— Пришёлся ли вашему сиятельству по вкусу сегодняшний ужин? — угодливо поинтересовался советник. Как и ожидал Ван Цзо, чиновник завёл разговор именно об этом.

Бедняга Ду извёлся, пытаясь угодить грозному ревизору. Тратить казенные средства на роскошные пиры он не смел, да и в этой суровой северной глуши изысканных деликатесов было не сыскать днём с огнём.

Когда уполномоченный воротил нос от еды, советник буквально терял покой от страха. Прослышав от слуг, что сегодня князь откусал с аппетитом, Ду воспрянул духом и поспешил выразить почтение, надеясь укрепить доверие и ненавязчиво поставить себе это в заслугу.

— Ужин был простым, но весьма недурным, — Ван Цзо окинул собеседника проницательным взглядом. — Полагаю, стряпал не ваш повар. Дворцовый кулинар ни за что не осмелился бы потчевать меня арестантской похлёбкой.

У советника Ду подкосились колени.

— Пощадите, ваше сиятельство! Позвольте ничтожному слуге объясниться... — залепетал он, бледнея. — Я лишь желал поднести вашему сиятельству нечто необычное, отвлечь от забот...

В порыве рвения он совершенно позабыл, кто такой Дин Тянь. Разве подобает главному тюремщику готовить для великого князя? Еда из рук тюремщика — это же чистой воды арестантский паёк! Плохая примета, страшное кощунство!

Даже простые крестьяне бежали от тюремной кухни как от чумы, опасаясь навлечь на себя беду, а он накормил этим особу императорской крови!

— Довольно, — благодушно отмахнулся Ван Цзо. — Я знаю, что ты действовал без злого умысла. Фугуй!

— Я здесь, господин! — верный слуга вырос перед князем как из-под земли, поспешно утирая след жирного соуса у рта.

— Награди того маленького тюремщика... как его, Дин Тяня? — припомнил Ван Цзо. — Выдай ему десять лянов серебра и два отреза шёлка. И пусть в ближайшие дни он лично готовит мне пищу.

— Будет исполнено, господин! — Фугуй почтительно поклонился и поспешил выполнять поручение.

— Встань, — мягко скомандовал Ван Цзо дрожащему советнику. — Я вижу твоё рвение и зла не держу.

Ду поднялся на ноги, тяжело дыша. Посреди трескучего зимнего мороза со лба его катился градом холодный пот.

«Ох уж эти столичные господа... Шаг влево, шаг вправо — и голова с плеч», — подумал он с тоскливым вздохом.

— Скажи мне, что за человек этот Дин Тянь? — полюбопытствовал Ван Цзо. — Тюрьма под его началом выглядит на удивление опрятно. Нетипично для этих мест.

При этом вопросе советник Ду едва не прикусил язык. Он замялся, подбирая слова и не зная, как преподнести правду.

Ведь тогда он нагло воспользовался неопытностью сироты Дин Тяня, свалил на него все заботы о полуразрушенном узилище, а сам трусливо уехал в управу Бэйфэн выжидать бурю.

По возвращении же обнаружил, что доверчивый простодушный парень за свой счёт отстроил и вычистил всю тюрьму.

Поступил он, конечно, подло, но иного выхода тогда не видел — казна уезда пустовала, а

делиться собственными сбережениями не хотелось.

Да и кто мог знать, что столь высокопоставленная особа окажется в уездных застенках? Ду благословлял богов за то, что свита судьи Ма при его назначении побрезговала ехать в эту Тмутаракань, сочтя уезд Бычьего Рога гиблой глушью. В тюрьме остался лишь один главный тюремщик, да и тот оказался парнем добрым, а не жестоким палачом.

Не будь Дин Тяня, спасти из ямы пришлось бы уже окоченевший труп князя.

Случись такое — не сносить бы голов всей управе Бэйфэн. Великая Цин содрогнулась бы от ярости императора, а всех причастных к этой халатности ждала бы неминуемая казнь на плахе.

Заметив, как побледнел и замялся советник Ду, Ван Цзо разочарованно качнул головой и жестом велел ему замолчать:

— Ладно, довольно. Можешь не продолжать.

<http://bllate.org/book/19387/1997492>